

11.Рыбка В.Г. Планирование берегозащитных мероприятий / Рыбка В.Г. // Тез. докл. междунар. конф. «Создание и использование искусственных земельных участков на берегах и акватории водных объектов», 20-25 июля 2009 г. – Новосибирск, 2009. – С.49-59.

12.Рябкова О.И. Опыт создания искусственных пляжей на Калининградском побережье Балтийского моря / Рябкова О.И. // Тез. докл. междунар. конф. «Создание и использование искусственных земельных участков на берегах и акватории водных объектов», 20-25 июля 2009 г. – Новосибирск, 2009. – С. 42-48.

13.Секурова З.А. Многофункциональный искусственный остров в прибрежной зоне г.Сочи / Секурова З.А. // Тез. докл. междунар. конф. «Создание и использование искусственных земельных участков на берегах и акватории водных объектов», 20-25 июля 2009 г. – Новосибирск, 2009. – С.60-65.

14.Сидорова В.В. Проблемы развития приморских пляжей Крыма / Сидорова В.В. // Сучасні проблеми архітектури та містобудування: Наук.-техн. зб. Вип.24. – К.: КНУБА, 2010. – С.214-221.

Получено 13.04.2011

УДК 72.01

СИМОН ТАДРОС, канд. искусствоведения

Харьковский государственный технический университет строительства и архитектуры

ФРАКТАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Рассматривается фрактальная геометрия как основа формального поиска повышения информативности архитектурных объектов.

Розглядається фрактальна геометрія як основа формального пошуку підвищення інформативності архітектурних об'єктів.

The fractale geometry as a basis of formal search of increase informativeness architectural objects is considered.

Ключевые слова: архитектура, фрактал, геометрия.

Появление новых строительных материалов и методов конструктивного расчета сложных систем привели архитекторов современности к проблеме формального поиска в областях, ранее недоступных. Цифровые технологии презентации и расчета вывели данный поиск в область фрактальной геометрии, позволив визуализировать столь сложные построения, что только фантазия и графика не способны в полной мере удовлетворить потребности проектировщика. В то же время, в силу ряда причин психофизиологического свойства, фрактальность в архитектуре часто воспринимается как положительный фактор, позволяя добиваться существенного эстетического эффекта.

В статье использовались и анализировались работы в области теории архитектуры и теории фракталов Ч.Дженкса [1], И.Добрициной

[2], К.Бовилла [3], Б.Мандельброта [4], Р.Блюменфельда [5], А.Волошинова [6], Х.-О.Пайтгена [7]. Анализ данных работ позволяет рассмотреть фрактальную геометрию как средство повышения морфологической информативности архитектурных объектов.

Работа выполнена как часть общего направления исследований (тема: “Інформаційні дослідження емоційно оцінних характеристик архітектурної форми”, РК №0102U001358); по программе кафедры изобразительного и декоративного искусства при Харьковском государственном техническом университете строительства и архитектуры.

Целью исследования является анализ методов фрактальной геометрии в применении к исследованию формы в современной архитектуре.

Современные исследования в различных отраслях науки потребовали более качественного представления объектов и процессов, необоснованного упрощения их структуры криволинейных поверхностей. Конец XX ст. ознаменовался не только открытием поразительно красивых и бесконечно разнообразных структур, названных фракталами, но и осознанием фрактального характера геометрии природы.

Как наглядно продемонстрировать свойства фрактальных структур на рабочем столе с помощью простых интерактивных моделей и одновременно на экране монитора? Например для того, чтобы отчетливо представить себе, что произойдет с нитью, если ее многократно скручивать как молекулу ДНК, нашего воображения порой не хватает и приходится прибегать к действиям. Подлинное пространственное понимание приходит только в процессе изготовления моделей. Эстетическая привлекательность фрактальных структур столь велика, что давно назрела потребность разобраться не только в закономерностях красоты фракталов, но и поставить вопрос о фрактальном характере современного искусства. Элементы фрактального формообразования можно обнаружить в ажурной стальной башне В.Г.Шухова и в экспериментальных конструкциях А.Родченко, собранных из стандартных элементов, в рисунках на тканях и обоях, в череде окон и решёток, в сетях и коммуникациях современного города.

Появление новых строительных материалов и методов конструктивного расчета сложных систем привели архитекторов современности к проблеме формального поиска в областях, ранее недоступных. Цифровые технологии презентации и расчета вывели данный поиск в область фрактальной геометрии, позволив визуализировать столь сложные построения, что только фантазия и графика не способны в полной мере удовлетворить потребности проектировщика. В то же время, в силу ряда причин психофизиологического свойства фрактальность в

архитектуре часто воспринимается как положительный фактор, позволяя добиваться существенного эстетического эффекта. Следует учитывать, также, что фрактальность в архитектуре и искусстве не является открытием дня сегодняшнего. Фракталами, пусть и в весьма примитивной форме, пользовались мастера с древнейших времен. Особо следует отметить графиков и архитекторов исламского мира, достигших в орнаментальном украшении храмов поразительных результатов как эстетических, так и с точки зрения фрактальной геометрии.

Принципы фракталоподобного формообразования в архитектуре применяются с давних времен, но лишь к концу XX ст., после появления книг Б.Мандельброта, использование фрактальных алгоритмов в архитектурном морфогенезе становится осознанным. Ч.Дженкс [1] описал переход к новой парадигме в архитектуре под влиянием наук о сложных системах, включающих фрактальную геометрию и нелинейную динамику. Несколько ключевых зданий, построенных Ф.Гери (Frank Gehry), П.Эйзенманом (Peter Eisenman) и Д.Либескиндом (Daniel Libeskind), выглядят как первые проявления этой новой архитектурной парадигмы. Современные архитектурные течения, оперирующие образами сложных поверхностей, математически описываемых нелинейными уравнениями, можно условно называть нелинейной архитектурой. Ч.Дженкс [1] и И.А.Добрицина [2] писали о нелинейности и фрактальности архитектуры в общей декларативной форме. Фрактальная геометрия Б.Мандельброта в определенной мере использована для анализа архитектурных форм в книге К.Бовилла [3], единственной к настоящему времени монографии о фракталах в архитектуре, в которой собственно архитектуре посвящена меньшая часть книги. В ряде статей и сайтов Интернета отмечены повторяющиеся в разных масштабах элементы архитектуры готических соборов, стиля барокко, индийских храмов, проведен анализ повторов в классических ордерных формах.

Фрактальная формализация применена К.Бовиллом [3] к рядам строений вдоль улиц и для определения фрактальной размерности некоторых архитектурных сооружений (в том числе Ф.Л.Райта и Ле Корбюзье) методом подсчета квадратов; такой анализ устанавливает эстетическое обоснование оценки архитектурного дизайна, позволяющее дать рекомендации для ухода от мертвящей монотонности стандартной архитектуры. Однако попытки количественным образом связать высокое значение фрактальной размерности (отражающее дробность детализировки) с архитектурной выразительностью не слишком много дают для понимания фрактальных правил построения архитектурных форм. Значение фрактальной размерности может служить лишь фор-

мальной характеристикой пространственной сложности объекта, не учитывающей более важные качественные характеристики. Хотя обычно с фракталами ассоциируется богатство форм, фракталы могут быть и эстетически неинтересны, даже скучны. Напротив, в архитектуре есть сооружения, практически лишенные фрактальных характеристик и при этом весьма выразительные – например, массивные нелинейные формы. Фрактальные возможности архитектурных форм фактически еще не были использованы в полной мере.

Поиск фрактальных образов визуализирующих некоторые архетипы фасадов, планов и трехмерных архитектурных форм с привлечением имитационного компьютерного моделирования поможет создать новый образ, сконструировать его достоверную трехмерную модель и довести ее до стадии выдачи рабочей проектной документации. Объемы расчетов и анализа, проводимые во время проектирования не укладываются ни в какие нормативные границы проектов даже тридцатилетней давности. Фактически использование формального поиска при помощи фрактальной геометрии стало доступным лишь в последние 10-15 лет. Современный научный подход с применением фрактальной геометрии, а также топологии и нелинейной динамики способен выявить здесь множество сходных направлений и решений морфогенеза, включая не раскрытые ранее аспекты формообразования и создание потенциально новых архитектурных форм. Ссылаясь на Б.Мандельброта: «графическое представление – чудесное средство для сопоставления моделей с реальностью» [4], рассмотрим некоторые графические фракталы в качестве архетипов архитектурных фасадов и планов.

Алгоритм Серпинского на первых этапах построения дает прообраз таких культовых сооружений, как ступенчатые пирамиды; вытянутые по вертикали здания подобного архетипа – храмовые и крепостные башни, колокольни. Разумеется, бесконечные повторы какой-либо структуры в архитектуре невозможны, реальная архитектура обычно содержит немногие повторы, поэтому фрактальные модели, имитирующие архитектурные сооружения (или раскрывающие «генетический код» архитектурных объектов), – это протофракталы (термин Б.Мандельброта для фрактальных структур с немногими повторами). Кроме того, в архитектуре, как и в музыке, редко встречаются точные повторы, обычны же вариации темы, образа.

Для силуэта храмов с множеством вертикальных повторяющихся элементов неким метафорическим прообразом может послужить график функции Вейерштрасса – классической фрактальной функции, не имеющей производных ни в одной точке (соответственно на графике нельзя провести касательную ни к одной точке), открытой в конце XIX

ст. Несомненно, архитекторы и строители Миланского и подобных соборов не ведали о функции Вейерштрасса, и мы не утверждаем, что силуэтные линии собора точно следуют графику функции – этот график дает лишь визуальную метафору подобных архитектурных форм.

Множество Кантора – еще один фрактальный алгоритм, пригодный для описания архитектурных форм с симметрично расположенными частями разной высоты, что весьма обычно в архитектуре (простейший архитектурный прием – в средней части здания возвышается уменьшенное подобие всего здания). Фрактальная структура классического множества Кантора дискретна, тогда как в качестве архитектурных прообразов более пригодны связные фракталы, например «салфетка» Серпинского. Соединение дискретных участков множества Кантора дает связный фрактал – прообраз «сталинской высоты» и подобных зданий. Множество Кантора с вариациями лакуарности [5] можно модифицировать простейшим образом, получив, например, графический морфотип, сходный с архитектурными формами индийских храмов. Фрактальный алгоритм построения дискретного множества Кантора сходен с алгоритмом формообразования дихотомически ветвящегося дерева – связного фрактала. Перевернутое дихотомическое дерево – обобщенный «архитектурный код» морфогенеза устремленных вывес культовых сооружений, иерархичность построения которых выражает идею присутствия высших сил.

Морфогенез нелинейных фракталов порождает динамику образов, претерпевающих бесконечные метаморфозы в виртуальном пространстве, с возникновением сложных форм, сходных с биологическими и архитектурными. Архитектурный декор, узоры орнаментов решеток и оград нередко напоминают нелинейные фракталы.

Один из универсальных фрактальных алгоритмов, спиральный, широко распространенный в неживой (от траекторий элементарных частиц до циклонов и галактик) и живой природе (раковины моллюсков, рога копытных, завитки побегов растений), а также в архитектуре и дизайне, дает множество сходных решений морфогенеза. Трехмерная реализация спирального декора в виде параллельных либо раскручивающихся во встречных направлениях и пересекающихся спиралей воплощена главами храма Василия Блаженного. «Храм Василия Блаженного являет собой причудливый фрактал золотого сечения, определяемый по меньшей мере восемью членами ряда золотого сечения» [6]. Аккорды золотых пропорций и других фрактальных соотношений создают архитектурную симфонию этого храма.

Архитекторам известны такие реализации трехмерного спирального алгоритма, как башня Татлина (модель памятника III Интерна-

ционалу) и подобная конструкция спирального завершения здания на Патриарших прудах.

Согласно положениям фрактальной геометрии можно высказать следующее:

1. В мире природы не существует статических состояний. Не существует точек, линий, плоскостей и других объектов фиксированных размерностей. Размерность объекта является, скорее, величиной дробной и нестабильной, изменяющейся в соответствии с законами прогрессий. Она подобна вечно ускользающей величине с течением вечно ускользающего мига настоящего времени. Измерить ее можно лишь гипотетически, представив, например, остановку времени в момент измерения. В этом смысле, размерность объекта – величина, непосредственно связанная с течением времени и в какой-то мере вообще эквивалентна безмерности.

2. Любая форма естественного происхождения является самоподобной, т.е. любая часть целого подобна самому целому и этим обеспечивается его единство. То есть, согласно данной аксиоме фрактальной модели – структурное существование любой вещи обусловлено ее самоподобием или самоорганизацией.

3. Любой процесс или движение в природе имеет прерывистый характер, при котором область разрыва стремится к минимуму, а число разрывов к максимуму. В силу этого, человеческий мозг, склонный по своей природе к абстрагированию, видит во всем плавность и непрерывность.

Говоря о природоподобии форм и фракталов, отметим, что природа обладает не просто большей сложностью, чем неживые объекты, а сложностью совершенно иного уровня. Число различных масштабов длины природных объектов для всех практических целей бесконечно. Красота фракталов сочетает в себе красоту симметричных объектов типа кристаллов; с красотой живых природных объектов, привлекаемых именно своей неправильностью недаром создатели удивительных по красоте и симметрии резных ворот одного из храмов в Киото умышленно нарушили идеальную симметрию своего творения, по мнению одних – чтобы придать ему большую выразительность, по мнению других – чтобы избежать зависти богов.

Фрактальный подход – не панацея, как писал сам Б.Мандельброт, и вовсе не новая эра в истории человечества, а лишь новый, но достаточно эффективный способ анализа, а потенциально – и проектирования архитектурных форм, который может существенно обогатить язык архитектурной теории и практики.

А.Гауди дал новую интерпретацию готических форм в своем со-

боре Святого Семейства (Sagrada Familia) – форм, подобных природным; Гауди ушел от евклидовой геометрии, от симметрии и регулярности. Фракталоподобные формы собора, подобного песчаному замку, представлены хаотическими, нерегулярными фракталами, свойственными природе. Современные представления нелинейной науки порождают новую концепцию соотношения упорядоченности и хаоса как состояния, включающего элементы непредсказуемости, нерегулярности, таинственности, подобные богатству и неповторимости природных форм. Использование концепций нелинейной динамики открывает перспективу корректного анализа соотношения регулярности и нерегулярности, случайности, асимметрии. Эстетика нелинейных форм с элементами случайности формулируется Г.Айленбергом: «Почему все же силуэт изогнутого бурями дерева без листьев на фоне вечернего неба воспринимается как нечто прекрасное, а любой силуэт высокофункционального университетского здания таким не кажется, несмотря на усилия архитектора? ...Наше ощущение прекрасного возникает под влиянием гармонии порядка и беспорядка в объектах природы – тучах, деревьях, горных грядках или кристалликах снега. Их очертания – это динамические процессы, застывшие в физических формах, и определенное чередование порядка и беспорядка характерно для них. В то же время наши промышленные изделия выглядят какими-то окостеневшими из-за полного упорядочения их форм и функций, причем сами изделия тем совершеннее, чем сильнее это упорядочение. Такая полная регулярность не противоречит законам природы, но сейчас мы знаем, что она нетипична даже для весьма «простых» естественных процессов. Наука и эстетика согласны в том, что именно теряется в технических объектах по сравнению с природными – роскошь некоторой нерегулярности, беспорядка и непредсказуемости» [7].

Тенденция органического встраивания сооружений в природное окружение, интеграция природного и антропогенного ландшафта проявляются в подобию линий, поверхностей и форм в архитектуре и дизайне природным формам. Эта тенденция ярко выражена в стиле модерн и «органической» архитектуре. Широко применявшиеся в начале XX ст. в архитектуре модерна пластичные, «текущие», асимметричные, биоморфные линии, поверхности, «струящийся» растительный декор, рельефные изображения голов придают зданиям сходство с живым развивающимся организмом, имитируют нерегулярность природных форм.

Архитектуре конца XX ст. также свойственно использование биоморфных метафор – антропоморфных, зооморфных, фитоморфных, а также пластичных геоморфных форм, как бы вырастающих естест-

венным образом из земли, с органичной интеграцией архитектуры и природного ландшафта. В наше время приходит более глубокое осознание единства природной и антропогенной среды и единства принципов формообразования в «живой» и «неживой» природе, подкрепляемое концепциями нелинейной науки. Современный научный подход может быть успешно применен для поиска архитектуры, адекватной гармонии порядка и хаоса природной среды, архитектуры, которая может стать смысловой доминантой в природном и историческом контексте, духом места (*genius loci*).

Почему человек ощущает себя комфортно во фрактальных структурах, когда действующие на него раздражители варьируются с небольшими отклонениями? По той же причине, по которой попробовать несколько вин в течение ужина приятней, чем весь вечер пить одно и то же. Бесконечное повторение приводит к потере чувствительности, что наглядно демонстрируют проектировщики органи-тек, когда они тиражируют хорошую идею до истощения. Вообразите прекрасный Кансайский аэропорт Ренцо Пиано, с той же самой интересной формой крыла, но вытянутой на целую милю, и это будет скука, возведенная в квадрат. Напротив, архитекторы, использующие принцип фрактальности – Либескинд, ARM, Morphosis – просто освобождают нас от привычных форм, в то время как австралийская группа LAB и Бэйтс Сمارт [Bates Smart] уже пошли дальше этих первых экспериментов и создали на их основе новую архитектурную грамматику. Другую легко опознаваемую группу, использующую фракталы округло-гидродинамических очертаний, недавно в Нью-Йорке окрестили «блбмайстерами» (*blobmeisters* – «капледелы» или «пузыристы»). Этот ярлык имеет несколько значений, далеко не все из которых льстят представителям указанной группы. Прежде всего «блбмайстеры» позаботились о том, чтобы решительно «застолбить участок» для своей темы, что сопровождалось созданием целой «капельной» грамматики и выдвижением ряда эзотерических теорий, основанных на аналогиях с компьютерными алгоритмами – киберпространство, гибридное пространство и цифровая гиперповерхность были здесь ключевыми терминами. Часто «капледелами» становились молодые университетские преподаватели вместе со своими студентами, которых нетрудно было вовлечь в амбициозные войны за «раздел территории». Грег Линн [Greg Lynn], без сомнения, наиболее креативный и интеллигентный представитель этой группы, в серии своих книг настаивал на том, что *blub* – это более развитая форма куба: она способна транслировать большее количество информации, чем примитивная коробка; обладая большим порядком сложности, она, соответственно, обладает и большей потенциальной

чувствительностью.

Однако, эффект этот возникает лишь в том случае, когда грамматика «капли» сопровождается продуманной «фразеологией», т.е. осмысленным образом привязывается к функции. Совсем иное дело, когда бесхитрое складирование геодезических куполов – как это происходит, например, в проекте «Эдем» Николаса Гримшоу – приводит к появлению серии пузырчатых форм, напоминающих известные в геологии «глобулярные кластеры», – весьма эффектных, сочных и почти съедобных с виду. Эти структуры, однако, на поверку могут оказаться довольно негостеприимными и неуклюжими, – организация входа или стыка с землей в них часто остается нерешенной проблемой.

Таким образом, фрактальная живопись, трехмерные фракталы сегодня это модное творческое течение, возникшее благодаря появлению цифровых технологий и новому программному обеспечению. Данное искусство особенно популярно среди математиков и программистов, благодаря тому, что дает возможность для самовыражения людям, имеющим творческий потенциал, но не имеющим соответствующего образования. Однако для архитектора, в первую очередь, это мощный инструмент, позволяющий осмыслить и визуализировать пространства, ранее недоступные в силу своей сложности и масштабности. Как и трехмерное моделирование, породившее дигитальную архитектуру, фрактальная геометрия может стать мощным стимулом развития архитектуры, не подменяя творца, а раскрывая перед ним новые грани познания мира.

1.Дженкс Ч. Новая парадигма в архитектуре // Проект International. – 2003. – №5. – С.98-112.

2.Добрицина И.А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.

3.Bovill C. Fractal geometry in architecture and design. Boston; Basel; Berlin: Birkhauser, 1996. – 195 p.

4.Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Ин-т компьютерных исслед., 2002. – 856 с.

5.Blumenfeld R., Mandelbrot B.B. Levy dusts, Mittag-Leffler statistics, mass fractal lacunarity, and perceived dimension//Phys. Rev. 1997. Vol. 56, N 1. – P.112-118.

6.Волошинов А.В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С.243-248.

7.Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. – М.: Мир, 1993. – 176 с.

Получено 25.02.2011